

- ⁵³ Там же. С. 58.
- ⁵⁴ Там же. С. 59.
- ⁵⁵ Там же. С. 51, 52, 56, 59, 66.
- ⁵⁶ Там же. С. 59.
- ⁵⁷ Винниченко В. Указ. соч. С. 229–230.
- ⁵⁸ Там же. С. 230.
- ⁵⁹ Симоненко Р.Г., Реєнт О.П. Указ. соч. С. 59.
- ⁶⁰ Там же. С. 60–61.
- ⁶¹ Винниченко В. Заповіт борцям за визволення. Київ. 1991. С. 34.
- ⁶² Там же. С. 35.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Симоненко Р.Г., Реєнт О.П. Указ. соч. С. 61.
- ⁶⁵ Винниченко В. Відродження нації. Ч. III. С. 34.
- ⁶⁶ Там же. С. 35.
- ⁶⁷ Там же. С. 35, 36, 46–48.
- ⁶⁸ Симоненко Р.Г., Реєнт О.П. Указ. соч. С. 61.
- ⁶⁹ Там же. С. 67.
- ⁷⁰ Цит. за: Стахів М. Указ. соч. С. 51.
- ⁷¹ Там же. С. 51–52.
- ⁷² Там же. С. 52.
- ⁷³ См.: Солдатенко В.Ф. Три Голгофи... С. 120–125.
- ⁷⁴ Солдатенко В.Ф. Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. Київ, 2007. С. 277–281.
- ⁷⁵ Симоненко Р.Г., Реєнт О.П. Указ. соч. С. 62–63.
- ⁷⁶ Там же. С. 64–65.
- ⁷⁷ Там же. С. 65.
- ⁷⁸ Там же. С. 68.
- ⁷⁹ Там же. С. 69.
- ⁸⁰ Там же. С. 69, 70.
- ⁸¹ Там же. С. 71–78.
- ⁸² Там же. С. 79.

© 2010 г. А. Л. КУБАСОВ *

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ О ВЧК–ГПУ

В 1922–1923 гг. оказавшиеся за рубежом руководители и активные деятели партий и движений, выступивших в качестве оппозиции большевикам, внимательно следили за событиями в России, предпринимали попытки осмыслить результаты Октябрьской революции, причины, ход, итоги и последствия Гражданской войны. При этом повышенный интерес проявлялся к роли, которую играла в развернувшемся противоборстве Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, преобразованная в 1922 г. в Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. К теме чекистских органов обращались видные представители социалистических эмигрантских кругов, посвятившие свои работы анализу положения в России. Их оценки кардинальным образом расходились с выдвигавшимися В.И. Лениным¹, Ф.Э. Дзержинским² и их сподвижниками³ трактовками, в основе которых лежала теория классовой борьбы, социалистической революции и диктатуры пролетариата, оправдывавшая применение революционного насилия для защиты нового общественного строя. В своих публикациях высланные за границу либо эмигрировавшие известные общественные деятели и ученые, многие из которых во время пребывания

* Кубасов Александр Леонидович, кандидат юридических наук, докторант-соискатель Института российской истории РАН, начальник отдела УФСБ России по Вологодской области.

на советской территории подвергались арестам и тюремному заключению, выражали несогласие с попытками героизации и обоснования особой исторической миссии чрезвычайных комиссий.

Критическое отношение к большевистскому режиму и органам ВЧК–ГПУ высказано в изданной в 1922 г. в Праге книге выдающегося ученого, автора по социологии, революции П.А. Сорокина «Современное состояние России»⁴. Подводя итоги событий 1917–1922 гг., он пришел к выводу о явном несоответствии между лозунгами, выдвигавшимися руководителями Коммунистической партии на этапе борьбы за власть, и результатами радикальных общественных преобразований, предпринятых ими после прихода к управлению страной. По мнению Сорокина, Октябрьская революция не решила стоявших перед нею задач. Вместо уничтожения социального неравенства она «создала в 1918–1920 гг. небывалую эксплуатацию, настоящее крепостничество в одной из худших форм – в форме государственного рабства»⁵. «Такое же банкротство, – считал Сорокин, – случилось и с диктатурой пролетариата. В стране, где пролетариат составлял не больше 3–4 процентов населения, такая диктатура, если бы она и была осуществлена, могла быть только тиранией пролетарского меньшинства над большинством»⁶. Исходя из этого, автор книги делал вывод: «Власть, вынесенная в 1917 г. на плечах рабочих, солдат и крестьян, в течение 1 1/2 лет выродилась в диктатуру над рабочими и крестьянами, став из “трудовой” власти чистым деспотизмом»⁷. В этих условиях важнейшим средством сохранения господства большевиков стали органы ВЧК. Сорокин называл их «преторианцами», «аппаратом насилия и террора».

Оценивая деятельность чрезвычайных комиссий в период Гражданской войны, Сорокин писал: «К началу 1919 г. уже произошел отлив масс от власти, начались рабочие и крестьянские восстания. Диктаторы вместо удовлетворения массовых желаний перешли к необузданному усмирению их посредством своих преторианцев. Начался террор»⁸. Основываясь на собственных впечатлениях, изложенных в дальнейшем в книге мемуаров «Дальняя дорога»⁹, ученый отмечал: «Тюрьмы были переполнены, как никогда, и не столько “буржуями”, сколько рабочими и крестьянами»¹⁰. «Вслед за арестами, – продолжал он, – пришла и полоса расстрелов, индивидуальных и массовых. Последние приняли форму настоящей войны с деревней. Села и поселки окружались военно-преторианскими частями, громились, сжигались артиллерией, а вслед за “завоеванием” их наступала массовая экзекуция в форме расстрелов “зачинщиков”, в форме убийства одного из каждого десятка лиц». «Я утверждаю, – подчеркивал Сорокин, – огромное большинство из тех многих сотен тысяч, которые были расстреляны властью, состояло из рабочих и крестьян»¹¹.

Обращаясь к ситуации, сложившейся в 1922 г. в Советской России, Сорокин писал: «О политической жизни, в западноевропейском смысле слова, говорить не приходится. Раз нет ни одной неправительственной газеты, раз нельзя устраивать ни одного политического собрания, союза, общества, то, конечно, легальное проявление политической активности исключено. Нелегальная же затруднена до максимума беспощадным террором и хорошо организованным сыском... Выступать с критикой власти на... собраниях – значит идти на арест. Голосовать против заранее заготовленной резолюции – значит очутиться в Че-ка или Г.П.У.»¹².

Попытку комплексного анализа обстановки, сложившейся в российском обществе в результате Октябрьской революции и Гражданской войны, предпринял С.С. Маслов¹³ в книге «Россия после четырех лет революции», опубликованной в 1922 г. в Париже. По его мнению, социалистический эксперимент, предпринятый большевиками, привел к «падению производительных сил, всеобщей нищете, к небывалому рассвету террористических приемов управления, к общественному гнету, граничащему с подлинным рабством»¹⁴. В итоге «диктатура пролетариата» превратилась в «диктатуру над пролетариатом». Вся реальная власть оказалась сосредоточенной в руках Коммунистической партии, оставшейся единственной легальной политической организацией. Советы стали ширмой, прикрывавшей «непосредственную диктатуру партии». Фактически стра-

ной правило политбюро из 5 человек, бесконтрольно решавшее важнейшие вопросы государственной жизни¹⁵.

С точки зрения Маслова, в условиях Гражданской войны психология членов РКП(б), в том числе чекистов, оказалась милитаризованной. В их среде росло убеждение, что «перед лицом величайшей из мировых задач все приемы дозволены, все средства годны, если они ведут к цели, если в них есть надобность». Поражение на фронте означало для большевиков не только гибель «коммунистического оазиса», но и «риск их физическому существованию, их политической власти, их материально-обеспеченной жизни», «военная жизнь и военные действия на фронте приучили к произволу и насилию, к чувству безответственности, к спокойствию перед слезами и кровью»¹⁶.

Обращая внимание на кризисное состояние страны и бедственное положение населения, Маслов отмечал особую роль, которую играли для сохранения большевистского режима органы ВЧК–ГПУ. В ходе развернувшейся борьбы они фактически стали «самым сильным аппаратом власти», «государством в государстве», «иногда даже властью над государственной властью»¹⁷, «органами политического террора»¹⁸, «стоявшими на защите охранно-полицейских интересов»¹⁹. Особенности функционирования чрезвычайных комиссий являлось то, что они были полностью автономны, существовали вне какого-либо надзора и контроля²⁰, действовали «в обстановке узаконенного и введенного в норму произвола»²¹, обладали неограниченными полномочиями в проведении обысков, реквизиций, расстрелов, выборе меры наказания²².

Давая оценку органам ВЧК, Маслов подчеркивал: «Власть в каждом городе и районе живет под постоянной угрозой восстаний, а последние для руководителей “чрезвычайка” обозначают безусловную гибель. Так учит опыт всех восстаний, опыт деятельности всех партизанских отрядов. Отсюда у “чрезвычайщиков” создаются устойчивые стимулы для напряженной работы в области сыска и предупреждения возможных волнений»²³. «Чрезвычайка, – писал он, – окружена такой глубокой ненавистью населения, к ее деятельности относятся с таким омерзением, что не все, далеко не все коммунисты идут на работу в ней. Соглашаются лишь люди соответственной психологии с крепкими или, наоборот, извращенно больными нервами. Идут по природе жестокие люди, идут садисты»²⁴, «специальный подбор их сотрудников... в обстановке жестокой гражданской войны, крови и всеобщего огрубления нравов обусловил их жестокость»²⁵.

В преобразовании ВЧК в ГПУ Маслов видел лишь перекраску вывески²⁶, обусловленную попытками большевистского руководства добиться признания Советского государства европейскими державами²⁷. В этой связи он полагал: «“Чрезвычайки” формально могут быть даже упразднены, но существо дела не изменится: они будут сохранены под другими названиями, и их работа не станет менее напряженной»²⁸. На деле «новый курс» сопровождался усилением репрессий. По количеству арестованных 1918 г. «побледнел перед 1921 годом»²⁹. По политическим мотивам были арестованы тысячи людей³⁰, прежде всего выступавшие с оппозиционными речами на уездных и губернских съездах советов³¹, произведены «выемки» опытных кооперативных работников по всей России³². Маслов пришел к выводу, что «Экономическая жизнь требует, чтобы... права “чрезвычайка” были сокращены, ну, хоть до размера прав прежних жандармских правлений, которые не могли держать в тюрьме без конца, не могли расстреливать, не могли даже высылать и ссылая. Но ограничить власть даже такими широкими пределами права своих террористических организаций, политическая работа их противников увеличится во много раз. И власть не удержится. Она прекрасно знает это сама и поэтому не только на ограничения, но даже на ослабление террора не пойдет. Будем к ней объективны: не может пойти»³³.

Начиная с 1920 г., материалы о деятельности органов ВЧК–ГПУ регулярно публиковались в журнале «Революционная Россия», издававшемся в Праге лидером правых эсеров В.М. Черновым. Так, в статье «Коммунистическая чрезвычайка» утверждалось, что чекисты превзошли по постановке дела и жестокости царскую охранку, «искуссы полицейского, судебного и жандармского опроса и следствия», сообщалось о преследованиях социалистов и демократов, использовании секретных агентов – про-

вокаторов, чтобы проникать внутрь антибольшевистских организаций и «взрывать их изнутри»³⁴.

Непримиримым критиком чекистских органов был С.П. Мельгунов³⁵, который никогда не скрывал свою негативную позицию к большевистскому режиму. В своих показаниях, данных в марте 1920 г. в ВЧК во время следствия по делу «Национального центра», он заявил: «Я занял к новой власти крайне отрицательное отношение, и отношение мое, пожалуй, мало изменилось за истекшие два года... Фактически мы имеем даже не диктатуру для пролетариата, обреченную в конечном результате на неизбежный крах. Относясь всегда отрицательно к идее диктатуры одного класса, я должен еще с большим отрицанием отнестись к группе, диктаторство которой опиралось на своего рода преторианство». При этом под словом «преторианцы» подразумевались «армия и другие военные или военизированные организации, служащие насильнической, основанной на грубой силе власти»³⁶, в том числе чрезвычайные комиссии.

В книге «Красный террор в России», выпущенной в 1923 г. в Берлине, Мельгунов, оценивая обстановку в Советской России, пришел к выводу, что вся система властвования большевиков была построена на устрашении. Большевистский террор, основным проводником которого стали органы ВЧК, представлял собой теоретически обоснованную «систему планомерного проведения в жизнь насилия», «открытый апофеоз убийства как орудия власти»³⁷. Для подтверждения этого тезиса Мельгунов цитировал одного из видных чекистов М.Я. Лациса: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора». Мельгунов ссылаясь также на публичные заявления в коммунистической прессе о том, что чрезвычайная комиссия – «это не следственная комиссия, не суд, и не трибунал», это орган «беспощадной расправы», «он врага не судит, а разит», «испепеляет всякого, кто по ту сторону баррикад»³⁸. При рассмотрении политики большевистского руководства автор обращал внимание читателей на то, что в основу принимавшихся органами ВЧК решений вместо «мертвого кодекса» законов были положены «революционный опыт» и «совесть»³⁹. Вследствие этого на практике деятельность чекистов повсеместно вылилась в «цинические формы самого безудержного произвола и насилия»⁴⁰, которые «приобрели небывалое и невиданное еще место в государственной жизни страны»⁴¹. Для оказания «психического» воздействия на население широко применялось взятие заложников⁴². Говоря о количестве жертв советской карательной политики, Мельгунов подчеркивал: «Кровавая статистика в сущности пока не поддается учету, да и вряд ли когда-нибудь будет исчислена. Когда публикуется, может быть, лишь одна сотня расстрелянных, когда смертная казнь творится в тайниках казематов, когда гибель человека подчас не оставляет никакого следа – нет возможности и историку в будущем восстановить подлинную картину действительности»⁴³.

Мельгунов называл чекистские органы «основным нервом государственного управления»⁴⁴, «новой политической полицией»⁴⁵. Комментируя слова Дзержинского о том, что в чекистские органы направлялись кристально-чистые, безукоризненные коммунисты, он отмечал, что «атмосфера произвола», в которой действовали чрезвычайные комиссии, «неизбежно развратила бы даже лучшие элементы». По его мнению, жестокость в их действиях нельзя было объяснить исключительно политическим фанатизмом. «Только маньяки и садисты по природе, только отверженные жизнью общественные элементы, привлеченные алчностью и возможностью властвования, – писал он, – могли идти и творить свое кровавое дело в таких размерах»⁴⁶. По утверждению автора сотрудники чрезвычайных комиссий являлись привилегированным сословием нового советского общества не только по полноте власти, но и в материальном плане. «В голодные дни, – писал он, – каждый чекист имел привилегированный паек – сахар, масло, белая мука и пр.»⁴⁷.

Реорганизацию Всероссийской чрезвычайной комиссии в Государственное политическое управление Мельгунов воспринял со скептицизмом. По его оценке, несмотря на реформы, сущность чекистских органов осталась неизменной. Так же, как в дореволюционных и жандармских отделениях, в отделах ГПУ продолжала действовать «система политического шпионажа»⁴⁸. Вся их деятельность строилась на «самой грубой провокации»⁴⁹. Многие крупные дела о взятках, подлогах, хищениях, закончившиеся смертными приговорами, были сфабрикованы самими чекистами, «заинтересованными лично в процентном отчислении с каждого дела (за раскрытие дел о спекуляции следователь получал 5% суммы)»⁵⁰. В подвалах и казематах сидели тысячи заключенных⁵¹. Административная расправа сменилась «комедией суда»⁵². Небывалые размеры приобрела политическая ссылка⁵³.

В 1922 г. в эмигрантских изданиях появились сообщения о лагерях принудительных работ, образованных советскими властями на территории Архангельской губ. Так, в опубликованном в Берлине сборнике «Че-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий» говорилось о лагере в Холмогорах, в котором с мая по ноябрь 1921 г. от голода и болезней умерли 442 заключенных⁵⁴. По поступившим из России сведениям, в 1922 г. большие партии осужденных за контрреволюционные преступления свозились в Пертоминский лагерь. Начиная с 1923 г., центральным местом содержания политзаключенных на Севере стал лагерь на Соловецких островах. Социалистическая пресса окрестила его «красной каторгой»⁵⁵.

Таким образом, в 1922–1923 гг. среди активных представителей социалистической эмиграции сложилось твердое убеждение, что деятельность ВЧК–ГПУ превратилась в важнейшее условие сохранения установленного в результате Октябрьской революции в России политического режима. В трудах эмигрантов были выделены основные черты, позволившие чекистским органам выполнить свое предназначение по защите государства «диктатуры пролетариата». Для советских спецслужб того периода были характерны полное и безоговорочное подчинение директивам РКП(б); чрезвычайно широкие полномочия, включавшие ведение розыска, дознания и предварительного следствия, вынесение во внесудебном порядке и исполнение решений о применении наказаний, вплоть до производства расстрелов и направления в концлагерь; приверженность принципу «революционной законности», допускавшему в неотложных ситуациях выход за пределы декретов и инструкций; беспощадность к «врагам революции»; широкое применение репрессий, в том числе теоретическое обоснование и претворение в жизнь «красного террора»; использование первоначально категорически отвергавшихся методов политического сыска, а в дальнейшем – возрождение каторги и ссылки.

Примечания

¹ В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). М., 1975. С. 117–118.

² Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 478–479.

³ *Лацис (Судрабс) [М.Я.]* Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодовой деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. М., 1920. С. 8–10.

⁴ Сорокин Питирим Александрович, активный деятель партии эсеров, секретарь председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, член Учредительного собрания. Входил в состав подпольной антисоветской организации «Союз возрождения России», в 1918 г. дважды арестовывался за участие в антибольшевистской деятельности, после освобождения возглавлял кафедру социологии Петроградского университета. В сентябре 1922 г. выслан из РСФСР.

⁵ *Сорокин П.А.* Современное состояние России. Прага, 1922. С. 22–23.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Там же. С. 31.

⁹ *Сорокин П.А.* «Дальняя дорога». Автобиография. М., 1992. С. 117–125.

¹⁰ *Сорокин П.А.* Современное состояние России. С. 23.

¹¹ Там же. С. 32.

¹² Там же. С. 51.

¹³ Маслов Сергей Семенович, председатель Вологодского комитета партии правых эсеров, активный деятель кооперативного движения, член Учредительного собрания, участник анти-большевистского переворота в Архангельске. До 20 сентября 1918 г. входил в антисоветское Верховное управление Северной области, затем выехал в Омск. После захвата власти в Сибири А.В. Колчаком скрывался от белой контрразведки, неоднократно арестовывался органами ВЧК. В 1921 г. эмигрировал.

¹⁴ *Маслов С.С.* Россия после четырех лет революции. Ч. 2. Париж, 1922. С. 98.

¹⁵ Там же. Ч. 1. Париж, 1922. С. 110–112.

¹⁶ Там же. Ч. 2. С. 183.

¹⁷ Там же. Ч. 1. С. 95.

¹⁸ Там же. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 93.

²⁰ Там же. С. 100.

²¹ Там же. С. 95.

²² Там же. С. 75.

²³ Там же. С. 96.

²⁴ Там же. С. 99.

²⁵ Там же. С. 95.

²⁶ Там же. Ч. 2. С. 186.

²⁷ Там же. Ч. 1. С. 107.

²⁸ Там же. С. 108.

²⁹ Там же. С. 104.

³⁰ Там же. С. 107.

³¹ Там же. Ч. 2. С. 187.

³² Там же. Ч. 1. С. 104.

³³ Там же. С. 129–130.

³⁴ Революционная Россия. Орган Заграничной делегации ЦК РСДРП. 1920. № 2. С. 8.

³⁵ Мельгунов Сергей Петрович, член Центрального комитета Трудовой народно-социалистической партии, участник подпольных антисоветских организаций «Союз возрождения России», «Национальный центр». Неоднократно арестовывался органами ВЧК, по делу «Тактического центра» был приговорен к смертной казни, замененной 10 годами тюремного заключения, освобожден по ходатайству В.Н. Фигнер и П.А. Кропоткина. В октябре 1922 г. выслан за границу.

³⁶ Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 292.

³⁷ *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М., 1990. С. 6.

³⁸ Там же. С. 43–44.

³⁹ Там же. С. 44.

⁴⁰ Там же. С. 175.

⁴¹ Там же. С. 154.

⁴² Там же. С. 31.

⁴³ Там же. С. 44.

⁴⁴ Там же. С. 43.

⁴⁵ Там же. С. 176.

⁴⁶ Там же. С. 175–176.

⁴⁷ Там же. С. 176.

⁴⁸ Там же. С. 188.

⁴⁹ Там же. С. 180.

⁵⁰ Там же. С. 184.

⁵¹ Там же. С. 163.

⁵² Там же. С. 188.

⁵³ Там же. С. 170.

⁵⁴ Че-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Издание Центрального бюро Партии социалистов-революционеров. Берлин, 1922. С. 242–245.

⁵⁵ *Мельгунов С.П.* Указ. соч. С. 171.